

Возвращение в жизнь

> Вячеслав Киселев сумел побороть смерть и месяцы беспамятства

ВОТ ГОВОРЯТ: сгорел на работе. Про героя этой публикации Вячеслава Киселева хочется сказать иначе: он всегда был настолько предан своей профессии, что, несмотря на тяжелую болезнь и полную потерю зрения, душой все же остался на работе.

Когда после инсульта к нему вернулись память, способность передвигаться и, главное, желание жить и быть полезным, не проходит и дня, чтобы он хотя бы по телефону не интересовался, как обстоят дела в его кислородно-конвертерном. Все, кто близко знаком с Вячеславом Дмитриевичем, в один голос утверждают: трудоголик еще тот!

Плохо ли это? Любая зависимость выматывает человека, и безграничная преданность работе не исключение. Хорошо ли? Профессионализм, помноженный на энтузиазм, всегда в чести. А дальше каждый выбирает сам. Но Киселеву выбирать не пришлось: вернувшись к жизни, он думами и чаяниями вновь оказался там, откуда внезапно «выпал» 23 января 2003 года...

«Уважаемая редакция, вы пригласили горожан высказаться об антикризисных мерах. Я хоть на комбинате давно не работаю, но все равно думаю, как помочь родному предприятию в это непростое время...» Собственно, это письмо и послужило поводом для знакомства с автором Вячеславом Киселевым, человеком сильным, неординарным. Он встретил меня на пороге дома – улыбочный и разговорчивый. Даже не сразу поняла, что Вячеслав Дмитриевич незрячий. Голубые чуть на выкате глаза не были безучастны к нашему разговору – они то светились радостью, то наполнялись слезами горечи, потому что они... совершенно здоровы. Полная слепота – последствие атрофии зрительных нервов в результате кровоизлияния. Говорят, после такого человек не может выжить. Три клинических смерти, месяцы беспамятства, отказ многих жизненно важных органов, амнезия... Но Киселев выжил.

Вспомнить все

В его состоянии именно это было особенно важно: вспомнить все! Он не узнавал близких, возмущался, что какая-то «самозванка крутилась рядом» – а это была супруга Людмила Васильевна. Он не умел ориентироваться в своем будущем, потому что не знал прошлого. Еще не вспомнив самого себя, он по памяти читал в палате всего «Василия Теркина», а собственную жизнь возвращал по крупицам.

...В Магнитку Славу привезли в пятилетнем возрасте из родного городка его отца Катав-Ивановска. Шел пятьдесят второй год. Папа Дмитрий Семенович – директор школы, мама Лидия Владимировна – врач... Придя в себя, Киселев первыми вспомнил их. Возможно, именно они, его родители, «оттуда» помогали ему вернуться из небытия.

И прежде в какие только переплеты Киселев ни попадал! Дважды угорал до бессознания. Угодил в автокатастрофу, после которой легковушка – всямятку, а он целехонек. На лыжах разбивался. Ангелы-хранители уберегли.

– Родители мои были людьми удивительными. Я ими всегда очень гордился. Познакомились они в Катав-

Ивановске. Мама там по направлению в скорой помощи работала: на лошадах к больным ездила. А папа, тогда еще студент института, на каникулы из Челябинска приезжал, – мой собеседник «заныривает» в то прошлое, когда и самого-то еще в помине не было.

Лидия Артамонова и Дима Киселев познакомились на танцах и сразу влюбились друг в друга. Была зима сорок первого. А в июне – война. Влюбленные прошагали по фронтам Великой Отечественной от первого до последнего дня. Шли, можно сказать, как и все призванные с Урала, параллельным курсом. Только она по госпиталям, а он в составе дивизионной разведки. Встретились уже в конце войны: с желтухой вместо инфекционного лазарета отправили капитана Киселева в госпиталь, где, как выяснилось, несла службу старший лейтенант Лидия Артамонова.

– Я о свадьбе родителей никогда не слышал. Но вспоминаю многозначительное выражение отцовского лица, когда он рассказывал об этой самой встрече с мамой: «Вот тут мы и поженились!» – смеется Киселев.

У моего собеседника хороший смех – открытый, искренний. Выдав

– не надо! От них, говорила, воспоминания тяжелые: «Наши погибали, и мы им на могилу букеты клали». Мама всю жизнь не могла отойти от войны. До Берлина дошла, орден и медали заслужила, и в мирной жизни была человеком справедливым, преданным принципам, которые однажды избрала.

Притяжение конвертера

Существует мнение, будто уехавших за пределы нашего города Магнит-гора обратно притягивает. Но Вячеслав Киселев утверждает, что в одночасье «примагнитил» его кислородно-конвертерный цех. Он вообще никогда не боялся смелых решений. Еще будучи «зеленым», окончил сорок первое училище по специальности «слесарь КИПиА», даже в институт по этому профилю поступил. А потом вдруг решил стать сталеплавильщиком.

– Это мой двоюродный брат подействовал, – вспоминает Вячеслав Дмитриевич. – Ты, говорит, на свои киповские сто пятьдесят рэ никогда не заработаешь на такую «Волгу», какую я на свои сталеварские приобрел.

Вячеслав, долго не думая, перевелся на металлургический факультет. Конечно, не на деньги позарился, а на престиж профессии. Всю жизнь он был скорее идеалистом, нежели материалистом. Получив по окончании института направление на Новолипецкий меткомбинат, молодой специалист Вячеслав Киселев грел надежду на скорое возвращение на родину: уезжал он в 75-м, а через три года на Магнитке планировали начать строительство первого конвертера. Однако мечтаниям его суждено было сбыться лишь десять лет спустя.

– Я к тому времени уже и папу с хоронил, мама одна осталась. Когда семьей в отпуск приезжали, она с грустью спрашивала: уже не вернешься? – вспоминает Вячеслав Дмитриевич. – А что я мог ответить? Конвертер пока строить здесь не собирались. А в Липецке у меня квартира хорошая, во втором ККЦ я уже подросток от раз-

ливщика до мастера. Думал маму к себе забрать – с обменом квартиры не получалось.

И вот в 1985 году прибыл в Липецк «посол» ММК Анатолий Николаевич Цыкунов – вербовать кадры на начинающееся строительство конвертера. Трое выпускников МГМИ, работавших здесь по распределению, оказались в числе первых приглашенных. Киселева агитировать не пришлось: предложение один в один совпадало с его давним желанием. А дальше все в его жизни закрутилось, как в ускоренном киноролике. В Магнитке встретили как родного. Сразу же – без прописки и постановки на военный учет – заместителем начальника ККЦ по разливке назначили. Включился Киселев в проектирование, вращался между гипромезом и стройкой. Жаль, на этом этапе, когда основные объемно-планировочные решения уже были приняты, не все удалось подправить. Например, и по сей день бывший замнач ККЦ сожалеет, что аж за десять километров от конвертера построили ЦРМО-3.

Ему очень пригодился опыт работы на «липечской Магнитке». Это там он впервые глаза в глаза встретился не только с конвертерным производством, установкой непрерывной разливки стали, но и со страшным ее бичом: «прорывом корочки слитка». Такая авария за пару секунд может нанести предприятию миллионные убытки. Липецкими разливщиками был даже установлен своеобразный месячный «рекорд»: 17 прорывов.

И еще с чувством выполненного долга вспоминает он и первую разливку, которая прошла как по маслу, и довольные лица высоких министерских персон, и глаза своих соратников по «ратному руководительскому труду»: Анатолия Слонина, Андрея Баранова, Виктора Минеева, Анатолия Анциферова, Анатолия Носова. Подобно поэтическим строкам из уст Киселева льются рассказы о достижении хорошего эффекта от внедрения новой шлакообразующей смеси, «придумки» насчет оригинальных сечений кристаллизаторов, что позволило вдвое увеличить производительность машин.

А сколько крови выпили застревания слябов... Тогда, чтобы их вытащить, надо было машину полностью разбирать. И ведь справились!

Впрочем, многое Киселеву удалось «приживить» на производстве, уже будучи в статусе ведущего специалиста отдела новой техники и технологии техуправления комбината. Из ККЦ он ушел в 93 году. Он помнит многих коллег и часто звонит в родной цех, чтобы справиться о делах и, если понадобится, дать подсказку.

– Наверное, я и сейчас при необходимости смог бы открутить все 800 роликов, – огоньком гордости загораются невидящие глаза Киселева. – Они всегда передо мной: главный пост управления – там операторы командуют, разливочная площадка, кристаллизатор, где разлившики трудятся...

Конечно, за шесть лет многое изменилось. Киселев не видел третьего конвертера: на начальном этапе хоть и курировал реконструкцию первого мартена, но так и не получил возможности лицезреть электропечи и новые разливочные машины. Может, поэтому он с жадностью ловит из «внешнего мира» любую информацию о комбинате, пытаясь трансформировать слова в образы.

– У нас дома оперативки круглосточные, – замечает Людмила Васильевна и тут же признается, что это ей в радость. – Мы когда Славу из больницы домой привезли, он был, что называется, никакой. Все забыл, никого не признавал. Весил 42 килограмма. Не действовали ни руки, ни ноги. Через год стал выправляться, и, когда окончательно пришел в себя, производство оказалось у него на первом месте.

От сердца к сердцу

Всего за полгода до несчастья Киселевы купили дом. Хозяин даже крышу перекрыл, поменял окна, пол. Наперед и по работе, и по хозяйству многое запланировал: силы еще есть – в декабре 2002 года всего лишь пятьдесят пять стукнуло. Упавал на бывшую закалку: все же кандидат в мастера спорта по тяжелой атлетике, при весе в 75 килограммов штангу толкал до 145 кгз.

...Его увезла машина скорой помощи. Выяснилось, что Вячеслав Дмитриевич перенес на ногах не один инсульт. На следующий день его «добило» еще одно на этот раз обширное кровоизлияние.

– Я жив остался потому, что моя маленькая хрупкая женушка три месяца не отходила от меня ни на минуту, – Вячеслав Дмитриевич не стесняется своих чувств.

Он любит ее всю жизнь – первая школьная любовь. И благодарен Людмиле Васильевне за терпение и понимание, за то, что двоих замечательных детей ему подарила – сына Евгения и дочку Юлию. Обойм на ноги помогли встать, образование дали. А от них уже и новые веточки потянулись, у супругов Киселевых четверо внуков и все «мужички»: Владик – ему 15 лет, Максим, Алеша и двухлетний Артем. Вместе они стоически переносят все трудности и беды, свалившиеся на их семью: тяжелый недуг Киселева-старшего, скоропостижная смерть сына. И, даже несмотря на суровый приговор медиков, Вячеслав Дмитриевич верит, что еще сумеет вернуться к прежней жизни.

– Хотел бы увидеть могилу сына... Еще бы снова повидать свою Лоду. Через столько лет я вовсе не боюсь обнаружить морщинки на ее лице, потому что в моих глазах она как была, так и осталась той самой девочкой, которую я полюбил.

ТАТЬЯНА АРСЕЕВА
ФОТО > ДМИТРИЙ РУХМАЛЕВ

> Слабые люди верят в удачу, сильные – в причину и следствие. Ралф Эмерсон